

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

И. С. КАЦНЕЛЬСОН

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЕГИПТОЛОГИИ В РОССИИ

Новые факты, приведенные в содержательном исследовании И. Г. Лившица «Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном»¹, полностью подтвердили высказанное несколько лет назад на страницах «Вестника древней истории» мнение, что у нас, в России, в начале прошлого века «интерес к древнему Египту, его цивилизации и памятникам и особенно к полемике, вспыхнувшей вокруг дешифровки иероглифов, был гораздо глубже, а связи русских ученых с Западом много шире, чем это отмечалось до сих пор»². К сожалению, И. Г. Лившиц только попутно останавливался на развитии египтологии в России, так как этот вопрос выходил за пределы избранной им темы.

Две помещаемые ниже заметки, основанные на неизданных до сих пор материалах, быть может, послужат еще одним доказательством, как живо и деятельно откликнулись на гениальное открытие Ж. Ф. Шампольона лучшие представители русской интеллигенции 20-х годов XIX в.

1. ДЕКАБРИСТ Г. С. БАТЕНЬКОВ — АВТОР ПЕРВОЙ РУССКОЙ КНИГИ О ДЕШИФРОВКЕ ИЕРОГЛИФОВ

В Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. Ленина с 1862 г. хранится никем не замеченная, небольшая книжка, побывавшая за первые четыре десятилетия своего существования в руках многих людей, оставивших заметный след в развитии русской культуры и общественной мысли.

¹ Ж. Ф. Ш а м п о л ь о н. О египетском иероглифическом письме. Перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица, АН СССР. Классики науки. 1950, стр. 98—241.

² И. С. К а ц н е л ь с о н. Неизданное письмо Франсуа Шампольона. «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 179.

Ныне, через 130 лет после выхода в свет, когда раскрыт ее неизвестный автор, эта книжка напомнила нам о человеке, который по справедливости должен считаться одним из предшественников русской науки о древнем Египте, прославленной такими выдающимися учеными, как В. С. Голенищев, Б. А. Тураев и В. В. Струве.

Летом 1824 г. в типографии Н. И. Греча была отпечатана брошюра «О египетских письменах». На титульном листе, кроме заголовка и выходных данных, больше ничего не было. Только на последней — 107 странице вместо подписи стояла прописная буква «Б». Книгу разрешил к печати 8 июля 1824 г. известный цензор А. Красовский. Одновременно ее текст печатался в виде отдельных статей в №№ XXVIII—XXX и XXXII—XXXV «Сына Отечества», вышедших между 12 июля и 30 августа того же года и издававшихся тем же Н. И. Гречем. И здесь той же буквой была подписана лишь последняя статья. В 1826 и 1827 гг. появились польские переводы этой работы¹. И вновь имя автора не было указано, хотя полностью приводились имя и фамилия переводчика — Зигмунта Бартошевича. И, наконец, в начале 1827 г., помещая в «Московском телеграфе»² статью «Замечания Шампольона на сочинение г-на Гульянова» («*Opuscules archéologiques*»), издатель журнала Николай Полевой снабдил ее следующим примечанием, дававшим оценку работе: «Мы давно хотели напечатать в Телеграфе краткое известие о сущности дел, но беспрестанно получая известия о новых спорах и новых открытиях, решились дожидаться дальнейших и более положительных выводов. Русские читатели, дабы иметь понятие о началах и сущности Шампольнова открытия, могут прочесть ученую и прекрасно написанную статью: «О египетских письменах...»³. Кто скрывался за инициалом «Б» и Н. Полевой и его брат Ксенофонт, бывший фактически соредактором журнала, очевидно, хорошо знали. Известно, что Г. С. Батеньков был с ними знаком и что братья Полевые даже посылали ему личный экземпляр «Московского телеграфа»⁴. Приведенное примечание Н. Полевого наглядно

¹ В журнале «*Dziennik Wileński*», 1826. *Historia i literatura*, t. II, str. 73—105, 193—214, 269—291; отдельное издание; *O pismie egipskiem szyli Hieroglyfach. Przekładał z rossyyskiego Zygmunt Bartoszewisz. N. G. W. Wilno* (1827).

² Часть 13. М., 1827, стр. 298—299.

³ Там же.

⁴ Е. П. Федосеева. Декабрист Г. С. Батеньков (опыт биографии). Л., 1947, стр. 53. Диссертация, защищенная на степень кандидата исторических наук при Ленинградском Государственном Университете. Экземпляр ее имеется в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

показывает, с каким интересом следили в России за всем, что было связано с дешифровкой иероглифов — одной из основных проблем того времени в области гуманитарных наук.

Нельзя сказать, чтобы указанные статьи в «Сыне Отечества» прошли незамеченными для советских египтологов, интересовавшихся прошлым своей науки, но отдельное издание им осталось, очевидно, неизвестным. Правда, о нем не упоминается в основных библиографических указателях, как, например, «Списках» Г. Геннади или каталоге Смирдина. Об этих статьях писал А. В. Мачинский в комментариях к опубликованной им переписке Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Олениным, говоря, что «Некий Б. напечатал подробное изложение содержания только что вышедшего труда Ж. Ф. Шампольона «Précis du système hiéroglyphique des anciens Egyptiens»¹. Несколько дальше пошел И. Г. Лившиц, который, ссылаясь на предположения проф. П. Н. Беркова, приписал эти статьи историку Василию Берху, «неоднократно и впоследствии писавшему о Шампольоне и его трудах»².

Однако историк России Василий Николаевич Берх (1781—1834) сотрудничал в «Сыне Отечества» в 1821, 1822 и 1829 гг., где помещал статьи географического содержания³. Ни одного подходящего имени не называл и общеизвестный «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова. Берх в нем даже не упоминался. Ничего не дал и тщательный просмотр книги. Она состоит из пяти глав-статей и небольшой вводной заметки. В последней неизвестный автор очень ясно, несмотря на предельную краткость, излагал «существо открытия» Шампольона, а затем предупреждал о целях, которые он преследовал, выпуская в свет свою работу, так как буквальный перевод самого «Очерка иероглифической системы» «не для всех читателей был бы удобен». Таким образом, он предлагал широкой публике популярное «извлечение с приличными пояснениями по следующему предметам: 1) О состоянии наших познаний относительно египетских иероглифов прежде Шампольона (стр. 3—17). 2) Краткое начертание системы Шампольона (стр. 17—45). 3) Постепенное ее развитие, т. е. путь, которым открытие сделано, и по которому надлежит следовать в дальнейших изысканиях; ближайшее приложение новой системы, и существо доказательств

¹ Проблемы истории докапиталистических формаций. Л., 1934, № 4, стр. 73.

² Ф. Шампольон. Указ. соч., стр. 230, примечание 4.

³ Русский биографический словарь. СПб., 1900, т. 2, стр. 759.

(стр. 45—76); 4) Следствия, проистекающие из его открытия в других познаниях (стр. 76—98). К тому присовокуплены будут: 5) Особенно краткие примечания на сие творение (стр. 98—107)». И нужно признать, что автор вполне справился с нелегкой задачей, сократив текст (400 страниц и 10 глав изданного в «кварти» тома Шампольона) до предела 95 страниц своей книжки значительно меньшего формата. Он разъяснил многие положения французского ученого и добавил от себя пятую статью, где дал общую оценку труда, подчеркивая его достоинства: «... Слог, язык Шампольона ясен и определителен: редко встречаются книги, занимающиеся столь ученым предметом, кои можно было бы читать с такою удобностью и с таким удовольствием. . . точность. В первых главах наблюдается она во всем пространстве. Каждое заключение выведено из подробного и тщательного рассмотрения и сличения, служащих к тому оснований; доказанные истины явственно отделены от предположений и догадок; нет и малейших признаков мечтательности: читая сии главы, можно подумать, что читаешь математическое творение» (стр. 105—106). Однако автор способен не только восхищаться трудом Шампольона. Он достаточно самостоятелен и критичен, чтобы иметь свое мнение и замечать недостатки. В частности, ему представляется менее убедительным содержание двух последних глав. «Не все содержащиеся в них заключения могут быть непосредственно выведены из доказанных прежде истин, не все объяснены примерами или подкреплены ссылками на памятники, но тем не менее все заключения, очевидно, стоят в связи общей системы. . . однако долг справедливости требует заметить, что хотя настоящие открытия о свойствах Египетских письмен весьма уже важны, но критика материалов еще не кончена, и извлечение системы предварило оную в некоторой мере. Впрочем, история наук представляет многочисленные тому примеры: в самой Математике отличные умы нередко делали подобные прозрения и оставляли потомству поверить и окончателно доказывать точность их открытий во всех подробностях и последствиях» (стр. 106—107). Книга дополняется литографированной таблицей, иллюстрировавшей текст наглядными примерами и изготовленной специально для русского читателя. В «Сыне Отечества» она отсутствует.

В Париже «Очерк иероглифической системы» поступил в продажу в середине апреля 1824 г. Анонимная книжка была разрешена к печати в далеком Петербурге 8 июля того же года, куда почта в тот век дилижансов и почтовых карет поспевала только недели через две. Очевидно, не только президент Акаде-

мии Художеств, археолог и автор первых русских работ по палеографии Алексей Николаевич Оленин, — образованнейший человек своего времени и близкий знакомый почти всех выдающихся писателей, ученых и художников той поры, — с нетерпением ожидал выхода в свет новой работы Шампольона и запрашивал о ней самого автора¹. Видимо с не меньшим вниманием дожидался ее и неизвестный нам последователь французского ученого, который в течение нескольких недель успел внимательно прочесть объемистый том, сжать его в понятную всякому образованному человеку маленькую книжку, дополнить собственными соображениями и представить на утверждение цензуры. Кто же это мог быть? И как часто бывает, на помощь пришел случай. . .

При просмотре одного из разделов систематического каталога Государственной Библиотеки СССР им. Ленина нам довелось натолкнуться на карточку, где значилось: «Б[атеньков]. О египетских письменах». Выписанный из фонда экземпляр не дал ни малейшего основания для подобного отождествления. Недоумевали и библиографы, к которым пришлось обратиться за разъяснениями. И вот тогда-то второй экземпляр, хранившийся в Отделе редких книг, помог разрешить недоумение. На его титульном листе выцветшими от времени рыжеватыми чернилами крупным старинным почерком значилось: «Покорнейшее приношение от автора». Но от кого и кому было это «покорнейшее приношение», кто-то усердно замазал густыми чернилами.

Еще два зачеркнутых слова стоят в конце надписи. Выступающие части некоторых букв имени имеют явные следы правки. Именно эти выступающие части букв в сочетании с указаниями заметки на обороте обложки позволили установить сотруднице Отдела рукописей Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина — Е. Н. Кошкиной первоначальный текст надписи. Он гласил: «Елагину — покорнейшее приношение от автора». Затем «Елагину» было переправлено другим почерком на «Ксенофону Алексеевичу», а внизу были прибавлены зачеркнутые впоследствии слова «от друга». Обратную сторону обложки покрывали строчки, наспех набросанные другой рукой и почерком, более близким нашему времени: «Покорнейшее приношение от автора». Это написано рукою автора — *Батенькова*. Наверху было: «*Елагину*» (т. е. Алексею Андреевичу Елагину, отставн[ой] артел[лерийский] капитан, тульск[ий] помещик, был женат на племяннице Жуковского от левой сестры, прежде бывшей за Киреевским. Её сыновья Иван Вас.

¹ И. С. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 180.

Батеньковым египетской письменностью не сохранилось и в его обширном архиве, находящемся в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина¹. Безрезультатным оказался и просмотр его переписки с Елагиными².

Г. С. Батеньков родился в Томске 25 марта 1793 г. В раннем детстве выучился татарскому языку у сыльного графа Салтыкова, видимо, большого любителя этого языка³. Окончив 2-й кадетский корпус, он в 1812 г. поступил в артиллерию и участвовал в освободительных войнах с Наполеоном, был тяжело ранен и, подобно многим другим декабристам, с победоносными русскими войсками дошел до Парижа. В армии, в 13-й артиллерийской бригаде завязалась его дружба с А. А. Елагиным, продолжавшаяся до смерти последнего (1846). Уже будучи офицером, Батеньков изучил инженерное дело. Выйдя в 1816 г. подполковником в отставку, он вернулся в родную ему Сибирь. В Иркутске, где он служил по ведомству путей сообщения, соорудил набережную на р. Ангаре⁴. Здесь, в 1819 г. ему довелось встретиться с известным государственным деятелем М. М. Сперанским, бывшим тогда в почетной ссылке. Знакомство перешло в дружбу, и после переезда в Петербург Г. С. Батеньков, получив назначение в Управление военными поселениями, остановился на квартире у Сперанского, возвратившегося в столицу весной 1821 г. Жил тогда Сперанский в бельэтаже известного в старом Петербурге дома Лазаревых, где армянская церковь, что на Невском проспекте. Вскоре, однако, Батеньков перешел в дворовый флигель, сняв квартиру из трех комнат и на третьем этаже⁵. Здесь его и арестовали 28 декабря 1825 г. Участь Г. С. Батенькова оказалась наиболее жестокой, если не считать пятерых повешенных на кронверках Петропавловской крепости. 21 год 1 месяц и 18 дней провел он в одиночном заключении, из них 19 лет в каменных мешках

¹ Л. М. И в а н о в а. Фонд Г. С. Батенькова. Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Вып. XIII. М., 1952, стр. 43—56. Фонд насчитывает 506 единиц хранения на 7 тыс. листах и охватывает 1816—1825 гг. и 1846—1863 гг.

² Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля под общей редакцией В. П. Козьмина. Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Из архива Елагиных. М., 1936 и публикация его писем М. О. Гершензоном во 2-м томе «Русских Пропилеев». М., 1916.

³ «Русская Старина», 1889, № 8, стр. 304.

⁴ Г. М. К о т л я р о в. Г. С. Батеньков в Сибири 1817—1819 гг. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 2. М., 1933, стр. 145 и сл.

⁵ А. Г. Я ц е в и ч. Пушкинский Петербург. Л., 1935, стр. 310—312.

Алексеевского равелина. Владея, отлично французским и немецким языками, Г. С. Батеньков самостоятельно выучил греческий и латинский¹, знание которых ему не мог дать кадетский корпус. Чтобы заполнить бесконечно тянувшиеся дни в Петропавловской крепости, он приступил к занятиям древнееврейским языком и в скором времени свободно пользовался им при сличении переводов библии на старые и новые языки — чему предавался с увлечением. Нужные для этого книги беспрепятственно через коменданта доставлялись из Публичной Библиотеки². Почему постигла Батенькова столь тяжкая кара, сказать трудно: он был одним из наиболее умеренных членов Тайного Общества. Специалисты предлагают разные и притом очень несхожие между собою объяснения, а исследование этого вопроса не входит в круг наших задач³. Об узнике вспомнили только в январе 1846 г. и выслали его на родину — в Томск «с учреждением за ним строгого наблюдения», хотя за долгие годы, проведенные в тесных казематах, он разучился ходить, а говорить вовсе отвык. Его стихотворение «Одичалый», помещенное в «Русской Беседе» (1859, № 3, стр. 6—12) и подписанное единственным до сих пор зарегистрированным псевдонимом Батенькова «О—е—а» (гласные буквы фамилии, расположенные в обратном порядке)⁴, несомненно, автобиографично. Только после смерти мстительного Николая I, до последнего дня не простившего своих «друзей 14 декабря», смог 63-летний старик в 1856 г. возвратиться в европейскую Россию. Последние семь лет жизни он провел в Калуге подле своих друзей Елагиных. Здесь он и умер 71 года — 29 октября

¹ А. Лучшев. Декабрист Г. С. Батеньков. «Русский Архив», 1886, № 6, стр. 277.

² «Русская Старина», 1889, № 8, стр. 328.

³ См. подробную библиографию в указанной выше книге: письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля под редакцией Б. П. Козмина, стр. 227—233 и вводную статью А. А. Сабурова к публикации писем Г. С. Батенькова, стр. 44—45; В. Л. Модзалевский. Русский исторический журнал, 1918, № 5, стр. 101—153 и, особенно уже упомянутую диссертацию Е. П. Федосеевой, которая, сопоставив все источники, приходит к заключению, что это было «жесточайшей местью царя одному из видных деятелей Северного Общества декабристов, авторитетнейшему среди них и видному государственному чиновнику (намеченному декабристами во Временное Правительство), местью за убежденную апологию декабрьского восстания и отказ дать компрометирующие показания о Сперанском» (стр. 155). Вместе с тем, несомненно, что длительное одиночное заключение повлияло на психику Батенькова, который, как это убедительно доказал В. Л. Модзалевский, страдал приступами помешательства на религиозно-мистической почве.

⁴ И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 2—3. М., 1949, стр. 158.

1863 г., завещав похоронить себя рядом с А. А. Елагиным. Свидетельством этих близких отношений служит обширная переписка и с самим Елагиным, и с его женой Авдотьей Петровной. Она не прервалась даже тогда, когда Авдотья Петровна овдовела. Большинство этих писем издано. Они показывают, как широки были литературные и научные связи Батенькова, как разносторонни были его интересы. Он интересовался раскопками раннеславянских городищ, редактировал для грамматики Н. И. Греча таблицы спряжений, запоем читал Байрона, следил за последними литературными новинками, участвовал в журнальной полемике. Но о египетских письменах нет ни единого упоминания. Таким образом, единственным подтверждением правильности пометки С. Д. Полторацкого оставался интерес, проявленный Г. С. Батеньковым к языковедческим занятиям.

Первые указания на возможность авторства Г. С. Батенькова были получены неожиданно и притом в совершенно иных документах, а именно в выборочном списке его обширной библиотеки, составленном на основании описи, произведенной после ареста¹. Библиотека, включавшая 557 названий (в том числе и многотомные), вновь показывает энциклопедичность интересов ее хозяина. Здесь были представлены сочинения по гуманитарным наукам, математике и технике. Имелось 15 грамматик русского, славянского, немецкого, французского, английского, латинского, греческого, древнееврейского и татарского языков. Под № 147 значилась книга «О египетских письменах», а под № 251 «Précis du système hiéroglyphique» Ж. Ф. Шампольона. Мимоходом А. А. Сабуров, который приложил этот выборочный список книг к своей статье, замечает, что Г. С. Батеньков занимался египетскими древностями со Сперанским². Источников своей осведомленности А. А. Сабуров не указал. Хотя книга «О египетских письменах» с автографом автора находилась буквально в соседнем зале, он и не подозревал о ее существовании. В приложенном к статье списке всех изданных сочинений и показаний Г. С. Батенькова эта работа не упомянута.

Дальнейшие указания содержались в воспоминаниях Н. И. Греча. Кому как не ему, вездесущему и всезнающему

¹ А. А. Сабуров. Указ. ст., стр. 16. Писарская копия «Опись библиотеки Батенькова» на 24 л. (1826) хранится в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, архив № 13/56. См. указанную публикацию Л. М. Ивановой, стр. 55.

² А. А. Сабуров. Указ. ст., стр. 24.

журналисту и издателю, по совместительству вместе с Булгаринным состоящему в осведомителях, притом даже не очень тайных, у Бенкендорфа и Дубельта, было не знать, кто чем занимается и интересуется. А с Г. С. Батеньковым он был хорошо знаком, и имя последнего часто встречалось на страницах его записок. Со многими видными декабристами, например Бестужевым и Рылеевым, Батеньков познакомился благодаря своим литературным связям с «Сыном Отечества». Он бывал у Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, и именно Н. И. Греч издал в своей типографии анонимную книжку «О египетских письменах». Итак, Н. И. Греч писал: «Батеньков жил в Петербурге у Сперанского (в доме армянской церкви), занимался науками, например, изъяснением египетских иероглифов...»¹ Действительно Сперанский и Батеньков, встречаясь, а встречались они в 1823—1824 гг. часто, предавались занятиям, для нас знающих круг их интересов с совершенно иной стороны, несколько неожиданным: они с увлечением изучали египетскую письменность. Стремясь выгородить Сперанского, который, видимо, подозревал о существовании заговора, — ведь декабристы прочили его в состав предполагаемого правительства, — Батеньков сообщал 31 марта 1826 г. в показаниях, названных стыдливо «воспоминаниями» в «Русской Старине»: «Все мои сношения со Сперанским были тогда единственно познанию мною системы египетских письмен, ибо и он занимался древностями...»²

Наконец, сравнение почерка автографа на титульном листе с почерком писем Батенькова 1824 г. показало их тождество. Оставалось замкнуть круг и проследить, каким образом книга попала в руки Ксенофонта Полевого, установить, насколько он мог быть точно осведомлен о возможности авторства Г. С. Батенькова, и, наконец, причины, побудившие его подарить эту библиографическую редкость С. Д. Полторацкому. Это оказалось менее сложным. Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801—1867) весьма посредственный писатель, журналист и критик, упоминается в энциклопедиях и различных трудах по истории русской литературы и общественной мысли не столько ради собственных заслуг и сочинений, сколько благодаря своему значительно более талантливому брату Николаю Алексеевичу Полевому (1796—1846), также писателю, публицисту, историку и критику — основателю

¹ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Л., 1930, стр. 504.

² Граф М. М. Сперанский и граф А. А. Аракчеев (по воспоминаниям Г. С. Батенькова, написанным 31 марта 1826 г.). «Русская Старина», 1897, 10, стр. 88. Подлинник показаний Г. С. Батенькова хранится в ЦГИАМ, ф. 48, д. 11, л. 43.

фигура 1^а

2^й видъ.

С N N
D O R
В A T
O П O
M П M
Н A Δ
C H X
H X

1^й видъ.

С Я И A C
B И T A B
Y O M Ц O
M П M
Δ И Y
X Y H H
Y C

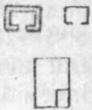
3^й видъ.

Н Y И C И Ц O A B A C
M П M

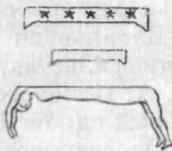
4^й видъ.

Н C A B A C
M П M H
H H

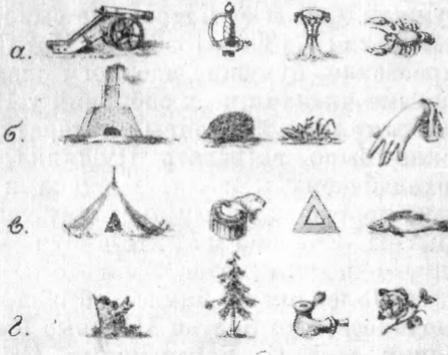
фиг. 2^а

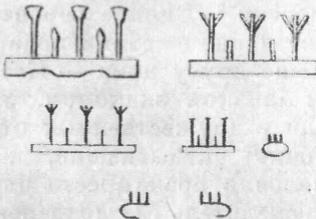
фиг. 3^а

фигура 4^а

фиг. 5^а

Литографированная таблица, приложенная к книге Г. С. Батенькова «О египетских письменах», иллюстрирующая принципы египетского письма

передового для своего времени журнала «Московский Телеграф». К. А. Полевой до самой смерти благоговел перед памятью старшего брата и оставил объемистый том «Записок о жизни и сочинениях Н. А. Полевого». В них мы читаем: «Говоря о... знакомых... Николая Алексеевича, не могу не упомянуть о небольшом искреннем кружке..., который образовался около этого времени в нашем доме. Он состоял большей частью из молодых людей, пламенно любивших литературу. Из числа их должен я упомянуть прежде, нежели о других об Иване Васильевиче Киреевском, потому что он был знаком с нами еще прежде издания «Московского Телеграфа»¹. Как уже упоминалось, И. В. Киреевский был пасынком друга Батенькова — А. А. Елагина. Его мать — Авдотья Петровна Елагина (1789—1877), урожденная Юшкова, племянница по матери поэта В. А. Жуковского, в первом браке Киреевская, овдовев в 1812 г., вышла вторично замуж в 1817 г. В 1821 г. она переехала из своего имения в Москву и здесь принимала живое и непосредственное участие в жизни литературных и ученых кружков. Она и ее подростки сыновья от первого брака Иван Васильевич (1806—1856) и Петр Васильевич (1808—1856) Киреевские, будущие идеологи славянофильства, были непременно членами всех собраний у Н. А. Полевого. Затем Елагина открыла собственный литературный салон. В ее гостиной можно было встретить Пушкина, Одоевского, Вяземского, Кюхельбекера, Гоголя, Герцена и еще многих других, чьи имена дороги каждому русскому человеку². Вполне вероятно, что А. П. Елагина или кто-нибудь из членов ее семьи подарил книгу с редким автографом тогда еще другу дома — Ксенофонту Полевому на память об общем близком знакомом. Уже отмечалось, что братья Полевы были в дружественных отношениях с Г. С. Батеньковым. Строчки, указывавшие, кому подарена книга, были зачеркнуты, конечно, после ареста дарителя, дабы не навлечь возможных нежелательных подозрений и неприятных объяснений. Анонимно изданная книжка, автор которой был известен ограниченному кругу, ничего внимания возбудить не могла. Еще до этого поверх слова «Елагину» тем, кто подарил книгу Ксенофонту Полевому, было написано: «Ксенофонту Алексеевичу». Последнее зачеркнутое слово, также написанное не Батеньковым, скорее всего было «другу». Таким

¹ Записки К. А. Полевого. СПб., 1888, стр. 151—152.

² Об А. П. Елагиной см. «Русский Архив», 1877, №№ 7 и 8. Статья П. В[артенева]; «Северный Вестник», 1877, №№ 68 и 69. Некролог, написанный Д. Кавелиным.

образом, вторичная надпись гласила: «Ксенофонту Алексеевичу покорнейшее приношение от автора-друга»¹.

Этот дар Ксенофонт Полевой мог получить только до начала 1830 г. Тогда между ним и Киреевским, а следовательно, и Елагиными, произошел полный разрыв, вызванный журнальной полемикой², на причинах которой здесь останавливаться неуместно.

Осенью 1825 г., когда Полевые, Киреевские и Елагины встречались чуть ли не ежедневно, Н. А. Полевой познакомился с будущим известным библиофилом и библиографом, владельцем огромной родовой библиотеки, с годами им значительно приумноженной — Сергеем Дмитриевичем Полторацким (1803—1884)³. «Дружба этого благородного человека была истинным утешением моего брата и продолжалась до смерти Николая Алексеевича», — писал в своих «Записках» Ксенофонт Полевой⁴. Полторацкому Николай Полевой посвятил свой перевод «Гамлета», а Ксенофонт Полевой впоследствии подарил ему неоконченную рукопись Алфавитного словаря русских писателей, который братья начали составлять, но приостановили после буквы «Е», отвлекшись изданием «Московского Телеграфа»⁵. Вполне естественно, что и редкая брошюра с автографом автора-декабриста в конце концов попала в руки Полторацкого. У него она находилась 13 лет. В 1862 г. при основании Московского публичного музея значительная и притом лучшая часть библиотеки Полторацкого в количестве 7250 томов была приобретена для Музея. Кроме библиографических и биографических пособий, ценных по своей полноте коллекций русских и иностранных периодических изданий, в Музей перешли «некоторые замечательные по редкости в продаже статьи»⁶. Именно к последней категории должна быть, очевидно, отнесена интересующая нас брошюра. Здесь в Библиотеке им. В. И. Ленина она пролежала без малого сто лет, пока не открыла нам имя человека, память которого мы должны

¹ Зачеркнутые слова прочтены Е. Н. Коншиной — научным сотрудником Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, которой я пользуюсь случаем выразить свою признательность.

² К. Полевой. Указ. соч., стр. 308—310.

³ Ю. И. Масанов, Сергей Дмитриевич Полторацкий. «Советская Библиография», 1947, вып. II, стр. 71.

⁴ К. Полевой. Записки, стр. 215.

⁵ Там же, стр. 152. Примечание 1.

⁶ Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г. Представлен директором Музея А. В. Исаковым. СПб., 1864, стр. 71—72. Н. Бокачев. Описи русских библиотек. СПб., 1890, стр. 138—139.

читать не только, как отважного борца за свободу, но и как одного из предшественников отечественной науки о древнем Египте.

Уже приходилось отмечать, что наиболее образованные и передовые представители русской интеллигенции 20—30-х годов XIX в. горячо откликнулись на труды Шампольона, и, как мы увидим в дальнейшем, помогали ему в борьбе с многочисленными озлобленными противниками, то отрицавшими научную ценность его трудов, то стремившимися присвоить приоритет открытия. Приведем еще несколько примеров тому, как оценивали лучшие русские люди — современники и последующее поколение — значение дешифровки иероглифов. Вот что записал в свой дневник 27 марта 1827 г. после посещения Публичной библиотеки, где ему показывали рисунки египетских древностей, летописец культурной жизни обеих столиц середины XIX в., стоявший в центре их научной и литературной жизни, профессор литературы Петербургского университета, а впоследствии академик А. В. Никитенко: «Смотря на снимки с гигантских зданий, пощаженных самим временем, на барельефы с изображением символов и религиозных процессов, проникаешься чувством бесконечного, которое лежит в основе египетского мировоззрения. Но не все барельефы изящны. Иные больше поражают необычайностью фигур, как те, например, где эти фигуры с птичьими носами, но на человеческих лицах. Тут же никакой красоты, но есть свой смысл, свое значение, разгаданное французским ученым Шампольоном, который так остроумно нашел ключ к пониманию египетских иероглифов»¹.

В 1833 г. О. И. Сенковский, сочетавший талант и знания блестящего ученого ориенталиста с беспринципным, рассчитанным на низменные вкусы, пошлым зубоскальством продажного ретроградного журналиста, издал «Фантастическое путешествие», скрыв свою фамилию под псевдонимом — барона Брамбеуса. В этом образцовом произведении желтой прессы подвергались глумлению и осмеянию крупнейшие открытия в различных областях науки, в том числе и дешифровка иероглифов Шампольоном. «Фантастическое путешествие» вызвало негодование всех, кому дороги были научные познания и прогресс. Первыми на защиту их выступил редактор «Телескопа» Н. И. Надеждин, в котором странным образом политический консерватизм и клерикализм уживались с наиболее передовыми тогда взглядами на искусство и науку².

¹ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1893, стр. 221.

² Еще в 1832 г., тотчас после смерти Шампольона, он поместил его некролог, где подчеркивал приоритет дешифровки иероглифов и выдающиеся моральные качества «славного труженика». «Телескоп», ч. 7. М., 1832, стр. 604—614.

В статье, озаглавленной «Барон Брамбеус и здравый смысл», он писал: «Его путешествие на Медвежий остров есть не что иное, как непрерывное ругательство над геологическими открытиями Кювье и иероглифической системой Шампольона, над сравнительной Анатомией. . . Кювье и Шампольон! Мужики великие, достойные алтарей во храме науки!»¹ Затем последовала отповедь В. Г. Белинского, напечатанная в «Литературных мечтаниях», где В. Г. Белинский ядовито высмеивал Сенковского за то, что он «своею фантастическою книгою на смерть пришлепнул Шампольона и Кювье — двух величайших шарлатанов и надувателей, которых невежественная Европа имела глупость почитать доселе великими учеными»². В. Г. Белинский и впоследствии возвращался к этому вопросу: «Надо сказать, что Поль де Кок, как плебей, не столь заносчив как барон; он не пускается в ученость и не острит над Шампольонами и Кювье, помня пословицу: «Знай сверчек, свой шесток»»³. Откликнулся и редактируемый А. С. Пушкиным «Современник», в котором появилась статья князя В. Ф. Одоевского — писателя и музыканта, которого так ценили за его тонкое художественное дарование и А. С. Пушкин, и Н. В. Гоголь. Эта статья, названная «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», получила впоследствии благожелательную оценку В. Г. Белинского⁴. «Названия наук, неизвестных нашим сатирикам, — возмущался Одоевский, — служат для них обильным источником для шуток, словно для школьников, досадающих на ученость своего школьного учителя; лучшие умы нашего и прошедшего времени: Шампольон, Шеллинг, Гегель, Гаммер, . . . снискавшие признательность всего просвещенного мира, обращены в предметы лакейских насмешек, «лакейских» говорим, ибо цинизм их таков, что может быть порожден лишь грубым, неблагодарным невежеством»⁵.

Наконец, лет двадцать спустя, подводя итоги беспринципной и бесславной литературной деятельности Сенковского, Н. Г. Чернышевский в своих знаменитых «Очерках гоголев-

¹ «Телескоп», ч. 21, М., 1834, стр. 253.

² Напечатано в «Молве» за 1834 г. Цитируется по полному собранию сочинений В. Г. Белинского под ред. С. А. Венгерова, т. I, 1900, стр. 311.

³ Там же, т. 12, 1928, стр. 228.

⁴ Отзыв В. Г. Белинского на «Сочинения князя В. Ф. Одоевского». СПб., 1844, напечатанный в «Отечественных записках» за 1844 г. Цитируется по полному собранию сочинений В. Г. Белинского, т. 9. СПб., 1910, стр. 23—25.

⁵ «Современник», 1836, № 1—2, стр. 206—218. Цитируется по сочинениям князя В. Ф. Одоевского, ч. III. СПб., 1844, стр. 365, 370—371.

ского периода русской литературы» упрекал его и за необоснованные нападки на Шампольона, называя их «лилипутскими забавами», которые «морочат публику»¹.

Характерно, что ни Н. Г. Чернышевский, ни В. Г. Белинский ни разу не упоминают имя Гулянова, точно не он был автором объемистых томов об иероглифическом письме, хотя тот и другой живо откликались на каждое сколько-нибудь значительное событие научной жизни России.

Наконец, как известно, Шампольон в один день с Гете и Нибуром — 10 января 1827 г. — был избран в почетные члены Петербургской Академии наук и лишь только три года спустя (7 мая 1830 г.) его удостоили такой же чести на родине — во Франции, где он был избран в члены Академии надписей.

К сожалению, несколько лет тому назад отдельные историки, ошибочно поняв борьбу за приоритет в некоторых научных открытиях, сделанных русскими учеными, пытались умалить заслуги Шампольона. Они пытались выдвинуть на его место И. А. Гулянова — сына молдавского господаря греческого происхождения Маврокордато, бежавшего при Екатерине II в Россию. Впрочем, это не мешало им пользоваться переводами древнеегипетских текстов, сделанных по методу Шампольона, а не Гулянова.

Что касается И. А. Гулянова, то к подлинной науке он имел отдаленное отношение. Память об этом самоуверенном дилетанте и карьеристе в науке сохранилась только благодаря его вздорным нападкам на Шампольона, которыми он отвлекал его от серьезной работы². И только им он обязан спасением от полного забвения. Кандидатуру Гулянова в члены Российской Академии, бывшей оплотом реакции, выдвинул в 1821 г., т. е. до завершения открытия Шампольона, известный регротград и мракобес адмирал А. С. Шишков³ по вполне понятным

¹ Н. Г. Чернышевский. «Очерки гоголевского периода русской литературы». СПб., 1892, стр. 61—62, 71. Впервые напечатано в «Современнике», 1856, № 1.

² Вот пример стиля Гулянова в полемике с Шампольоном: «Что же касается до меня, то я уже привык к системе г. Шампольона и давно уже не дивлюсь ни произвольности его утверждений и отрицаний, ни непоколебимости толкований его и перетолков, ни высокопарной пустопорожности его обещаний, ниже догматическим противоречиям, которыми переполнены пресловутые его сочинения». Замечания о Дендерском зодиаке (Письмо к издателю «Телескопа»). «Телескоп», ч. 14. М., 1831, стр. 150.

³ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 7, СПб., 1885, стр. 469—470. «Сборник Отдела Русского Языка и словесности Академии Наук», т. XXXVII, № 1.

причинам: сам Гулянов, по свидетельствам современников, был «истинным консерватором, и по личным убеждениям и по роду своих занятий весьма дорожил чинами»¹. Его идеалы лучше всего характеризует его же собственное письмо к историку М. П. Погодину: «Я желаю возможное и справедливое, желаю чина статского советника со старшинством, желаю 2000 рублей жалования и дозволения ехать в чужие края и заниматься там продолжением моих трудов и изданием оных»². В программной речи Гулянова, произнесенной по случаю избрания в Российскую академию, полностью отразились взгляды этого самовлюбленного путаника, отрицавшего и логику³, и синтаксис, но зато проповедовавшего теорию о непосредственно божественном происхождении языка. Речь И. Я. Гулянова, как впрочем и все остальное им написанное, отразила наиболее реакционные взгляды конца царствования Александра I, когда в науке почти безраздельно господствовали Магницкие и Руничи⁴.

Рекламировали его труды преимущественно такие же консерваторы, как и он сам. Например, тот же историк М. П. Погодин, а поддержку в науке ему оказывали такие сомнительные личности, как Ю. Клапрот, также дилетант в египтологии, исключенный из экстраординарных академиков Петербургской Академии наук за «недостойное поведение в 1812 году»⁵. Избытком «достоинства» его поведение видимо не отличалось и позднее: недаром К. Маркс, характеризуя в письме к Ф. Энгельсу от 7 марта 1856 г. работу французского филолога Ф. Эйхгоффа о славянах, писал: «Эйхгофф был и раньше мне известен как филологический шарлатан, перешарлатанивший даже Клапрота (который все же кое-что знал)»⁶.

¹ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 3, СПб., 1890, стр. 335.

² Там же, стр. 336.

³ «Логика — учение, возникшее древле от избытка ума и покоряющая выкладкам своим здравый рассудок» — И. А. Гулянов. Речь об образовании и существе языков. . . СПб., 1821, стр. 25—26.

⁴ Речь Гулянова «претенциозная и причудливо-высокопарная ничего не внесла в нашу науку, и все ее похвалбы и обещания так и остались словами. Описываемого в ней переворота в языкознании труды ее автора не произвели, да и не могли произвести». С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 608. «Записки Историко-филологического факультета СПб. Университета».

⁵ «A cause de sa conduite indigne montré en 1812». Это решение было постановлено широко опубликовать. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, t. VIII. Avec l'histoire de l'Académie pour les années 1817 et 1818. St.-Petersbourg, 1822, стр. 7.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 129.

Не Гульяновым, чьи всеми забытые сочинения могут интересовать только библиографов или историографов, должны гордиться советские востоковеды и историки, а тем, что наши предки, вопреки всяким Гульяновым, признали значение гениальных работ французского ученого, открывшего новые пути в науке. Не Гульянова, «обесславившего себя выступлениями против великого открытия Шампольона»¹, советские египтологи должны считать одним из предшественников этой науки в России, а декабриста Г. С. Батенькова, твердо верившего в лучшее будущее своей отчизны и отдавшего делу ее освобождения свою жизнь.

II. Ж. Ф. ШАМПОЛЬОН И РУССКИЕ ДИПЛОМАТЫ В РИМЕ.

В 20-х годах минувшего века и несколько позже проблема дешифровки египетских иероглифов, дававшая повод для страстных споров, волновала не только ученых-специалистов, но и широкие круги интеллигенции, которой дороги были интересы науки. Без всякого преувеличения можно утверждать, что это был один из наиболее животрепещущих вопросов, который обсуждали не только в аудиториях академий, университетов и кабинетах ученых, но и во многих великосветских гостиных и дипломатических салонах.

В мае 1824 г., завершив работу над «Очерком иероглифической системы древних египтян», Ж. Ф. Шампольон отправился в Италию, в Турин, где находилось тогда лучшее в Европе собрание египетских древностей. Из Турина через Болонью он в марте 1825 г. прибыл в Рим, но задержался здесь недолго: через неделю он вновь пустился в путь для изучения собрания неаполитанского короля и осмотра Пестума. Вторично Шампольон попал в Рим 22 апреля того же года, на этот раз на два месяца. В Риме, помимо ватиканских коллекций, его интересовали египетские обелиски, вывезенные сюда еще в I—II вв. н. э.

Приезд Шампольона, чье имя гремело тогда на весь цивилизованный мир, не оставил безучастными и некоторых русских дипломатов во главе с самим послом при Ватикане Андреем Яковлевичем Италинским (1747—1827), занимавшим этот пост с 1817 по 1827 г. Он и советник посольства — князь Григорий Иванович Гагарин интересовались искусством и древними памятниками. В. А. Италинский собрал ценную коллекцию

¹ «Гульянов И. А.», статья Б. А. Тураева в Новом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. СПб., т. 15, стр. 247.

восточных рукописей, впоследствии переданную в учебное отделение Азиатского департамента министерства иностранных дел¹.

Отличавшиеся строгой простотой залы дворца Фиано на площади Навоны, где располагалось русское посольство, «казалось предназначались для постоянных заседаний лингвистов и археологов»². В свое время В. А. Италинский дал возможность выступить здесь с возражениями ожесточенным противникам Шампольона — немцу Зейфарту и итальянскому аббату Лянци. Желая установить научную истину, он предложил им повторить свои доводы вновь в присутствии самого Шампольона, от чего они оба под различными предлогами благо- разумно отказались. Собрание состоялось без их участия в помещении русского посольства. Присутствовали все дипломаты, интересовавшиеся археологией³.

Г. И. Гагарин (1782—1837) получил образование в Московском университетском пансионе вместе с поэтом В. А. Жуковским и писателем-публицистом А. И. Тургеневым. Будучи человеком весьма образованным, он увлекался литературой и особенно живописью. Зная о тяжелом материальном положении Шампольона, он решил помочь ему и предложил ученому за каждую лекцию, которую он собирался прочитать для избранного круга лиц в португальском посольстве, гонорар 1000 франков. Предложение, дабы не оскорбить Шампольона, было ему передано конфиденциально. Однако последний, охраняя свое достоинство ученого, категорически отказался от каких-либо денег: «Или меня скверно поняли или обо мне слишком скверно судят, — писал он брату, — предлагая мне плату, точно речь идет о каком-либо представлении. . . Французский ученый, всегда стремящийся распространить немного знаний, которыми он может обладать, никогда не помышляет о том, чтобы торговать ими. . . Я хочу думать, что во всем этом, конечно, какое-то недоразумение. . .»⁴

Однако ближе всех из русских дипломатов в Риме Шампольон сошелся с секретарем посольства — графом Станиславом Осиповичем Коссаковским (1795—1872), принадлежавшим к старинному польскому роду, симпатизировавшему России. Получив

¹ Академик И. Ю. Крачковский. Один из первых исследователей восточных элементов «Слова о полку Игореве». «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953, стр. 23—30. Собрание рукописей Италинского находится теперь в Институте востоковедения АН СССР.

² H. H a r t l e b e n. Champollion. Sein Leben und Werk. T. I, Berlin, 1906, стр. 569.

³ H. H a r t l e b e n. Op. cit., т. II, стр. 43

⁴ Lettres de Champollion le jeune, recueillies et annotées par H. Hartleben, t. I. Paris, 1909, стр. 218. «Bibliothèque Egyptologique», t. 30.

за границей блестящее образование, он был направлен в посольство в Рим, где оставался до 1827 г. В 1832 г. его назначили в сенат Царства Польского. Впоследствии он председательствовал в геральдии Царства и написал несколько книг по геральдике. Занимался Коссаковский также литературой, живописью и ваянием. Его перу принадлежат несколько комедий на польском и французском языках. Словом, это был человек одаренный. Как мы теперь знаем, интересовался он и египтологией. Прослушав несколько лекций Шампольона, Коссаковский вкратце изложил основные принципы его открытия¹. В Риме он сошелся с известным немецким ученым и дипломатом Х. К. Бунзеном (1791—1860), автором очень распространенного некогда обширного труда «*Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte*». Бунзен и Коссаковский занимались древностями, в частности египетскими, гораздо больше, чем это требовалось для успешной дипломатической карьеры². Шампольон назвал их обоих «апостолами его системы в Риме»³. Оба они так же, как и князь Гагарин, посещали лекции Шампольона⁴, не потому, что это было, возможно, модным, а потому, что они действительно глубоко интересовались новой наукой.

В это время из стана многочисленных противников Шампольона появилась очередная брошюра, написанная неким аббатом Ланци⁵. В сущности, это был политический донос, стремившийся доказать, что работы по дешифровке иероглифов и вытекавшие из этого следствия противоречат библии и учению церкви. Таким образом, Ланци пытался скомпрометировать открытие французского ученого перед духовенством и верующими. Не без труда удалось друзьям Шампольона защитить его перед папой Львом XIII. Однако они, в частности Коссаковский, настаивали на том, чтобы Шампольон публично опроверг возводимые на него обвинения. Так появилось в журналах одновременно в Риме и в Париже открытое письмо Шампольона к графу Коссаковскому⁶. Оно было выдержано в юмористическом тоне и вызвало немало смеха среди приверженцев автора.

¹ Ж. Ф. Ш а м п о л ь о н. Указ. соч., стр. 176. Рукопись С. О. Коссаковского находится в Отделе рукописей Института востоковедения АН СССР.

² H. H a r t l e b e n. Op. cit., t. I, str. 579.

³ Там же, т. II, стр. 39.

⁴ *Lettres de Champollion*, т. I, стр. 228. Письмо к брату из Флоренции от 22 июня 1825 г.

⁵ M. A. L a n c i. *Osservazioni sul bassorelievo fenico-egizio che si conserva in Egitto de sua eccellenza Signor Barone d'Icskull*. Roma, 1825.

⁶ *Lettre de Champollion le jeune à M. Z*** en réponse à M. Lanci*. *Memorie Romana d'antichità et belle arte*. Roma, 1825. *Bulletin Ferussac*, V, No. 107, Paris, 1825, стр. 85—92. Письмо датировано 15 июня 1825 г.

Публикуемое ниже другое личное письмо Шампольона к тому же Коссаковскому хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Оно поступило туда вместе со всем собранием известного коллекционера автографов и библиофила П. К. Сухтелена (1751—1836). Это до сих пор неизданное письмо Шампольон писал из Флоренции в разгар только что упомянутых событий. Приведем его текст:

A Monsieur le Comte Stanislas Kossakowski, Palais Fiano à Rome.
(Florence), le 25 juin 1825

Votre aimable lettre du 20, m'arriva au moment même où je disposais à vous écrire, empressé de me rappeler à Votre souvenir et impatient d'établir une correspondance qui est devenue un véritable besoin pour moi. Je comptais après avoir visité la ville des Césars, la quitter seulement avec ce sentiment de peine qu'on éprouve à s'éloigner des reliques d'un grand peuple. Mais à cette tristesse, obligée pour ainsi dire, à la mode et même de bon ton, se sont venus joindre en moi les regrets mieux sentis et beaucoup plus vrais, de me séparer de Vous pour bien longtemps peut-être. Vous avez dérangé tous mes plans sur Rome que je comptais voir et abandonner en stoïcien; il n'en a pas été ainsi; c'est Votre faute à Vous; j'aime à le dire; mais ce n'est pas un reproche.

Votre esquisse de la fête est charmante; et la tableau de la sensible Lolotte unissant toutes les lumières de son esprit à celle des lampions, pour percer la mystérieuse obscurité de l'Obélisque, m'a singulièrement réjoui; je suis seulement fâché que l'ambassadeur dont le projet fut d'abord de distribuer à la porte la traduction du monument, ait laissé aux sphynxins de Svusse ou de Hanovre le soin de l'interpréter. Mais je lui pardonne en faveur de la superbe phrase que le dit obélisque a su lui suggérer; si tant il est que le dit mot soit de lui et non de Vous, dont le génie malin m'inspire toujours des soupçons légitimes.

J'arrive sans transition, et pour ne pas oublier à la petite figure funéraire de Votre belle Duchesse Napolitaine; je suis au désespoir de n'être pas à même de Vous donner du positif. Mais ainsi que Vous le remarquer Vous-même, les caractères sont si vaguement tracés qu'il est bien difficile de bien en tirer de clair; je prendrai donc, en véritable érudit le parti de refaire le texte conjecturalement; et Vous êtes dument autorisé à dire que l'inscription signifie mot à mot Que soit glorifié l'Osirien RIDGER défunt fils d'HORA si l'inscription réellement conçue ainsi qu'il suit d'après mes corrections, c'est la formule ordinairement inscrite sur toutes ces figurines, présents offerts en très grand nombre par les parents et amis des défunts.

Un grand désappointement m'attendais à Florence. Je comptais y trouver un obélisque en hiéroglyphes linéaires et voilà que le monument que je connaissais par les gravures de Kircher est une importure moderne; j'accusais les planches du jésuite, d'infidélité et de corruption; le monument original est faux, dont j'en rage. J'ai déjà visité en courant la galerie de Florence; les morceaux égyptiens y abondent et j'espère en retirer quelque bonne chose, si comme on me promet, je puis les étudier à l'aise. J'ai trouvé ici un Mr. Ricci, ancien médecin du Pachâ d'Égypte: il possède une belle suite de desseins

et une bonne collection d'inscriptions royales des temples; c'est une véritable bonne fortune à laquelle je ne m'attendais point.

Ce sera une fête pour moi que de recevoir aujourd'hui votre seconde lettre: ne m'épargnez pas les questions: je tiens à ce que Vous deveniez égyptien dans l'âme et je n'épargnerai pour cela de tout ce qui pourra dépendre de moi.

Je suis on ne peut pas plus sensible au bon souvenir de Mde¹ veuillez lui dire que je supplie chaque jour Neitti, Isis et Athys de lui être favorable. Ce sont des divinités payennes; mais Mde la comtesse le sait aussi bien que moi: le dieux qu'on prie de coeur sont toujours les véritables.

Adieu, aimez moi un peu, ne m'oubliez pas et soyez persuadé que je suis tout à Vous pour².

(Champollion)

Господину графу Станиславу Коссаковскому.
Дворец Фиано в Риме

(Флоренция) 25 июня 1825 г.

Ваше любезное письмо от 20-го прибыло ко мне в тот самый момент, когда я собирался писать Вам, спеша напомнить о себе и стремясь начать переписку, которая стала для меня подлинной необходимостью. Я рассчитывал после посещения города Цезарей покинуть его только с тем чувством огорчения, которое испытывают, удаляясь от реликвий великого народа. Однако к этой грусти, так сказать обязательной с точки зрения моды и даже хорошего тона, присоединились сожаления более глубокие и гораздо более искренние о необходимости, возможно, на длительное время расстаться с Вами. Вы нарушили все мои планы относительно Рима, который я предполагал осмотреть и стойчески покинуть. Однако этого не случилось. Повинны в этом Вы сами. Я охотно говорю это, но это не упрек.

Ваш набросок праздника очарователен; и изображение чувствительной Лолотты, сочетающей весь блеск своего ума с блеском лампионов для того, чтобы проникнуть в таинственный мрак обелиска, меня особенно развеселил. Я огорчен только тем, что посол, который раньше собирался раздавать перевод памятника у входа, предоставил сфинксам из Швейцарии и Ганновера заботу о его истолковании. Но я прощаю его ради великопной фразы, которую подсказал ему упомянутый обелиск, если только это слово принадлежит ему, а не Вам, насмешливый ум которого мне всегда внушает законное подозрение.

Чтобы не забыть, я перехожу непосредственно к маленькой погребальной статуэтке Вашей прекрасной неаполитанской герцогини. Я в отчаянии, что не могу сказать об этом ничего положительного. Однако, как Вы сами замечаете, знаки начертаны столь неясно, что очень трудно извлечь из них какой-либо смысл. Как истинный эрудит, я избираю путь приблизительного восстановления текста и Вы уполномачиваетесь надежащим образом сообщить, что надпись дословно обозначает: Да прославится Осирис Риджер, усопший сын Гора. Если надпись действительно составлена так, как это следует из моих исправлений, то это формула, начертанная обычно на всех этих статуэтках — дарах, приносимых в очень большом количестве родственниками и друзьями покойных.

¹ Фамилия в подлиннике кем-то зачеркнута.

² dt. Toujours. В письме это слово написано иероглифами.

Во Флоренции меня ожидало большое разочарование. Я предполагал там найти обелиск с линейными иероглифами; и вот памятник, который я знал по гравюрам Кирхера, представляет собой современную подделку. Я упрекал таблицы мезуита в неточности и искажении: подлинный памятник оказался подделкой, что приводит меня в бешенство. Мимходом я уже посетил Флорентийскую галерею. Египетские памятники там имеются в изобилии, и я надеюсь извлечь из них кое-что полезное, если, как мне обещали, я смогу изучать их сколько угодно. Здесь я встретил г-на Риччи, бывшего врача египетского паши. Он обладает хорошим подбором рисунков и хорошим собранием царских надписей из храмов. Это действительно удача, которую я никак не ожидал.

Для меня будет настоящим праздником получение сегодня Вашего второго письма; не скупитесь на вопросы. Мне хочется, чтобы Вы стали египтянином в душе и я сделаю ради этого все, что зависит от меня.

С очень хорошим чувством я вспоминаю г-жу...¹ Передайте ей, пожалуйста, что я ежедневно молю Нейт, Исиду и Атиса быть к ней благосклонными. Это языческие боги, но госпожа графиня знает об этом столь же хорошо, как и я. Истинны всегда те боги, которым молятся от всего сердца.

До свидания, будьте ко мне благосклонны, не забывайте меня и примите уверения в том, что я Ваш на dt².

(Шампольон)

Для понимания содержания этого письма необходимо ознакомиться с некоторыми фактами: летом 1825 г. французский посол в Риме (с 1822 по 1828 г.) герцог А. Монморанси-Лаваль (1768—1857) задумал устроить праздник в честь коронации Карла X. Одним из главных номеров программы должно было быть воздвижение высокого обелиска в парке занимаемой французским посольством виллы Медичи. Иероглифическую надпись для обелиска составил Шампольон. Энтузиаст египетского письма, он отдался с увлечением этому делу. Надпись и ее перевод на французский и итальянский языки предполагалось напечатать и раздавать приглашенным. Однако почти накануне торжества шквал опрекинул памятник, а дождь повредил текст. Огорченный Шампольон, полагая, что беда непоправима, уехал в тот же день — 17 июня. Но, с помощью французских художников, учившихся тогда в Париже, надпись удалось восстановить в одну ночь и праздник состоялся 19 июня. Очевидно, к нему и относятся иронические замечания Шампольона, так как посол был вынужден отказаться от напечатания перевода надписи и ее переводили устно какие-то дилтанты, о которых так насмешливо отзывается ученый. Кто такая Лолотта — установить не удалось. Вероятно, какая-то общая знакомая Шампольона и Коссаковского.

¹ Фамилия в подлиннике кем-то впоследствии зачеркнута.

² «Навеки». В письме слово написано иероглифами.

Надпись на «погребальной статуэтке», т. е. ушебти, как они называются теперь, приводится на рисунке. В таком виде она действительно бессмысленна. Возможно, что ушебти был подделкой и Шампольон, не желая разочаровывать знакомую, «исправил» надпись согласно обычным формулам.

Во Флоренции находилось купленное герцогом Флорентийским Леопольдом II собрание египетских древностей Ниццоли, а также коллекция картушей фараонов, составленная в Египте врачом и археологом-любителем Александром Риччи¹. Впоследствии А. Риччи сопровождал Шампольона во время его экспедиции в Египет. Во Флоренции Шампольон пополнил свое собрание картушей фараонов, а также получил от Риччи сведения о строительной технике египтян. По просьбе директора Флорентийской галереи, он составил каталог египетских вещей, приобретенных у Ниццоли². Для своих собственных изысканий ученый скопировал надписи нескольких погребальных стел. Шампольон оставался во Флоренции до 4 июля, а затем выехал через Livorno, так как в это время туда прибыла знаменитая коллекция египетских древностей Сальта, и Геную, обратно в Турин.

Маленький обелиск музея Веччиети, «разочаровавший» Шампольона, в свое время был воспроизведен А. Кирхером и Г. Зоэга³. Он первый определил, что это была подделка. Очевидно, разочарование оказалось действительно не малым, ибо и в письмах к брату встречаются сетования на постигшую его неудачу⁴.

¹ О нем см. A. S a m m a r c o. *Alessandro Ricci e il suo giornale dei viaggi*. Le Caire, 1930. Это издание оказалось недоступным.

² A. Pellegrini. *Autografi di Champollion à Firenze*. Bessarione. 2 serie, t. V, Roma, 1903, стр. 22—37, 187—205.

³ A. Kircheri. . . *Oedipus Aegyptiacus*. . . Romae, 1652—1654, vol. 3, стр. 348—366; G. Zoega, *De origine et usu obeliscorum*, Romae, 1797. Сравни. A. Pellegrini, *D'obelisco Medicae*. Bessarione, anno V, № 59—60. Roma, 1901, стр. 411, прим. 1.

⁴ *Lettres de Champollion le jeune*. . . t. I. стр. 236, письмо от 2 июля 1825.